

Leontij Mironiuk

"Евгений Онегин" Пушкина по-польски и по-украински

Acta Polono-Ruthenica 3, 325-336

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Leontij Mironiuk
Olsztyn

***Евгений Онегин* Пушкина по-польски и по-украински**

В истории польского переводоведения известно несколько имён переводчиков *Евгения Онегина*: Бенедикт Доленга (Якуб Юркевич), Адам Сикорский, Станислав Будзинский, Владыслав Станкевич, Адам Плуг, Виктор Гомулицки (все - XIX в.); Лео Бельмонт (первая половина XX в.), В. Касиньски, Юлиан Тувим, Адам Важик (вторая половина XX в.). Наибольшую популярность приобрели переводы Юлиана Тувима (глава I, глава II и 15 строф главы III) и Адама Важика, который полностью перевёл бессмертное творение Александра Пушкина.

В украинистике, несмотря на попытки отдельных переводчиков „одолесть” Пушкина, никто пока не может сравниться с переводом Максима Рыльского. Впрочем, это же можно сказать и о переводе Рыльским *Пана Тадеуша* Адама Мицкевича, принесшем переводчику золотую медаль польского ПЕН-клуба. Итак, с одной стороны - Юлиан Тувим и Адам Важик, а с другой - Максим Рыльский, соперники и сотворцы Пушкина в их стремлении выразить словом почти невыразимое, что подчеркнул Рышард Лужны в своём известном послесловии к польскому переводу *Евгения Онегина*.¹

В своей работе мы основывались на следующих творческих принципах: 1) не существует одного единственного перевода произведений Шекспира, Пушкина и т.д.; произведения великих мастеров многослойны и многозначны, и каждая эпоха всякий раз осмысливает их по-своему; 2) в науке и искусстве хорошо известен эффект дистанции, который впервые был сформулирован примерно таким образом: чем дальше от Трои, тем больше мы о ней узнаём. Это же

---

¹ R. Łużny, *Arcydzieło wielkiego poety*, [w:] A. Puszkina, *Eugeniusz Oniegin*, przeł. J. Tuwim, A. Ważyk, Kraków 1977, s. 284.

можно сказать - в нашем случае - и о *Евгении Онегине*. Сравним в этом аспекте один из фрагментов, весьма показательный для характеристики образа заглавного героя:

В любви считаюсь и н в а л и д о м,
Онегин слушал с важным видом (2, XIX).²

Рыльскому казалось, что он уточняет своеобразную авторскую оценку введением темпорального атрибутива, ср.:

Д о ч а с н и й інвалід любові,
Онегін, речі юнакові,
Ту сповідь щирих почуттів,
Поважно слухати умів...

Юлиан Тувим неоправданно добавляет, что эта оценка была дана Онегиным самому себе:

Oniegin, uczuć inwalida
(Bo sam się sobie takim wydał),
Słuchając, ważną minę miał...³

Наконец, Адам Важик пытается убедить польского читателя, что у Онегина была лишь „игра в инвалида”:

Oniegin grając inwalidę
Wyraz powagi sobie nadał,
Kiedy poeta się spowiadał...⁴

Все эти „переводческие вольности” были связаны с осовремениванием значения слова „инвалид”. Юрий Лотман в своём *Ком-*

² А. Пушкин, *Евгений Онегин*. О. Пушкін, *Євгеній Онегін*, переклав М. Рильський, Київ 1974, с. 38. В дальнейшем все русские и украинские цитаты приводим по этому изданию, указывая в скобках главу и строфу. Здесь и далее выделено мною. - Л. М.

³ А. Puszkin, *Eugeniusz Oniegin*, s. 94. В дальнейшем все переводческие варианты Ю. Тувима приводим по данному изданию. Главы и строфы те же, что и в оригинале.

⁴ А. Puszkin, *Eugeniusz Oniegin*, przeł. A. Ważyk, [w:] A. Puszkin, *Dzieła wybrane*, t. 3, Warszawa 1956, s. 44. В дальнейшем все цитаты приводим по этому изданию.

ментарии к *Евгению Онегину* напоминает, что в языке начала XIX века „инвалид” равнялось по содержанию современному „ветеран”⁵. Кстати, Рыльский (на сей раз в одиночестве) осовременил ещё одну культурологическую деталь, ср.:

Ещё амуры, черты, змеи,
На сцене скачут и шумят;
Ещё усталые лакеи
На шубах у подъезда спят (I, XXII);

***

Іще амури, біси, гноми
На сцені скачуть і шумлять;
Ще слуги з марної утоми
На шубах у прихожій сплять... (?)

На самом деле театры начала XIX века не имели гардеробов в прихожих, поэтому верхнее платье сторожили лакеи.⁶

Кроме учёта семантических изменений слов и культурных реалий, переводчик Пушкина должен постигнуть принципы его своеобразной, „пёстрой” гармонии, о которой он говорит в посвящении к своему роману в стихах:

Но так и быть - рукой пристрастной
Прими собранье пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав...

В таком же полуироническом тоне он замечает далее - в первой главе: „Что уж и так мой бедный слог / Пестреть гораздо меньше мог / Иноплеменными словами” (I, XXVI), а в *Отрывках из путешествия Онегина* свои „прозаические бредни” (прозаизмы) квалифицирует как „фламандской школы пёстрый сор”, что, однако, вряд ли даёт основание отнести это к разряду простой

⁵ Ю. М. Лотман, *Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин”. Комментарий*, Ленинград 1983, s. 195. Т.е. следовало бы читать: „В любви считаюсь ветераном...” и т.д.

⁶ *Ibidem*, s. 152.

негативной характеристики. Итак, пушкинская „пестрота” - понятие сложное, многослойное; оно включает в себя как языково-речевые (старославянизмы, архаизмы, просторечные слова, галицизмы и пр.), так и монтажные (лирические отступления, реминисценции, сатирические маски) элементы. Однако в центре „пёстрой” гармонии *Евгения Онегина* - по тонкому замечанию профессора Рышарда Лужного - выделяется сложное переплетение разных стилистических мотивов: иронически-скептический (Онегин), романтически-патетический (Ленский), народно-поэтический (Татьяна) и пр.⁷

Прежде всего остановимся на элементах „пестроты”, не поддающейся „перевыражению” на другом языке. Сравним два фрагмента с собственным именем:

- а) В свою деревню в эту пору
 Помещик новый прискакал
 И столь же строгому разбору
 В соседстве повод подавал:
 По имени Владимир Ленской,
 С душою прямо геттингенской (2, VI);
- б) Богат, хорош собою Ленский
 Везде был принят как жених;
 Таков обычай деревенский... (2, XII).

Здесь варианты „Ленский - Ленской” являются элементами разных стилей тогдашней экспрессивной стилистики, заложенной ещё Михаилом Ломоносовым. Даже в советском новоязе произношение фамилий „Белинской, Чернышевской” и пр. - всё ещё воспринималось как старая театральная норма. Поэтому Максим Рыльский смог использовать это собственное имя в словаре рифм лишь один раз, когда ему было необходимо сохранить весьма характерный эпитет „геттингенский”, ср.:

На ймення Володимир Ленський,
 Душою мрійник геттінгенський...

Во втором случае по-украински невозможно было передать

⁷ R. Łuźny, *Arcydzieło wielkiego poety*, s. 284.

рифму „Ленский - деревенский” (подчёркивающую, кстати, просто-народность произношения фамилии) и поэтому переводчик выдвигает в словарь рифм эпитет „багатий”, которым в оригинале собственно и начинается XII, сугубо „ленская” строфа, ср.:

На вроду красень, ще й багатий,
Був Ленський хоч куди жених;
Тому не треба й дивувати, -
Всі дочок ладили своїх...

Не удивительно, что в обоих польских переводах - Юлиана Тувима и Адама Важика - фамилия „Ленский” сохраняется в словаре рифм перевода благодаря её сопоставленности с эпитетом „геттингенский”, который можно рассматривать как общеевропейский эталон образованности, ср.:

а) в переводе Тувима:

Nazywał się Władimir Lenskij,
Był duszy iście goettingeńskiej...

б) в переводе Важика:

Nazywał się Włodzimierz Leński...
I duch w nim mieszkał getyngieński...

Зато во втором случае переводческие решения заметно друг от друга отличались. Так, Тувим очень удачно, на мой взгляд, зарифмовал „Lenskim - małżeńskich” (ибо именно эта мысль была основной в XII строфе). А Важик, отодвинув „Ленского” в середину строки, вынужден был ввести некоторые оговорки и новые (с точки зрения оригинала) слова, сделав перестановку всех ключевых образов указанной строфы, ср.:

Bogaty, piękny Leński wszędzie
Uchodzić mógł za konkurenta;
Choć pół-Rosjanin, gdzie przybędzie,
Tam wszyscy rają mu dziewczęta;
Na wsi to zwyczaj już codzienny.

В тексте *Евгения Онегина* различную стилистическую и метрическую роль играет противопоставление русских и старославянских слов типа брег - берег, хладный - холодный, златой - золотой и пр. Можно ли передать стилистический эффект пушкинской разговорной формы „о рожестве”, употреблённой поэтом в известном лирическом отступлении, где речь идёт о р о д н ы х, ср.:

Родные люди вот какие:
Мы их обязаны ласкать,
Любить, душевно уважать
И, по обычаю народа,
О р о ж е с т в е их навещать (4, XX)?

Ни в украинском, ни в польском языке нет оппозиции, подобной „рождество - рожество”, поэтому и в переводе Рыльского, и в переводе Важика (Юлиан Тувим, как известно, эту и последующие главы не переводил) данный стилистический эффект утрачен, ср.: „Під час різдва у них бувають...” (Рыльский), „Trzeba na Boże Narodzenie / Odwiedzić ich domowy ką...” (Важик). Оба отмеченных варианта - и украинский, и польский - являются стилистически нейтральными по сравнению с пушкинским словосочетанием.

Одной из сложных проблем переводоведения является проблема передачи пушкинских аллюзий и реминисценций. В типологическом отношении они весьма разнообразны: полные и частичные, прямые и опосредованные. Неумолимое время сгладило остроту многих из них, но структурно-композиционная функция осталась непреходящей. Это прежде всего относится к цитатам из Руссо и Вольтера, без которых вряд ли мог состояться учёный спор между Онегиным и Ленским, ср.:

Меж ними всё рождало споры
И к размышлению вело...
Племён минувших д о г о в о р ы,
П л о д ы наук, добро и зло (2, XVI).

В данном фрагменте зафиксированы две руссоистские аллюзии: 1) *Об общественном договоре* (1762); 2) „плоды наук” - намёк на трактат *Способствовало ли возрождение наук и искусств очи-*

ценению нравов (1750). Хотя на польский язык название книги Ж.-Ж. Руссо *Об общественном договоре* переведено предельно точно - *Ustawa społeczna* -, ни Тувим, ни Важик не заострили на нём внимание читателя:

а) в переводе Тувима:

W rozmowach i dyskusjach wiecznych
Zgłębiali każdą rzecz do dna:
Minionych plemion ład społeczny,
Problemy nauk, dobra, zła...

б) в переводе Важика:

O wszystkim mieli zdania sprzeczne
I wszystko do dyskusji wiodło:
Plemienne pakty średniowieczne,
Postępy nauk, zło i dobro...

Адам Важик, кстати, не всегда обращает внимание и на прямые названия художественных произведений, которые упоминает Пушкин, ср.:

Припомни, что сказал сатирик!
„Чужого толка” хитрый лирик
Ужели для тебя сносней
Унылых наших рифмачей? (4, XXXIII)

Pamiętaj, co nam rzekł satyryk:
Czyż to nie gorsze od popisów
Naszych posępnych rymopisów,
Gdy o b c a m y ś l przemysła liryk?

Максиму Рыльскому, очевидно, было хорошо известно, что своеобразная антиода *Чужой толк* была сатирой И. Дмитриева (1795), и поэтому он фактографически точно зафиксировал это в своём переводе:

Згадай-но, що сказав сатирик!
Хіба „Чужої тямі” лірик

Миліший для смаків твоїх
За наших віршників сумних?

Выше мы уже говорили о том, что благодаря рифме Пушкин сумел сохранить два варианта (нормы) произношения фамилии „Ленский”, т.е. Ленской - геттингенской, Ленский - деревенский. Настала пора подчеркнуть необходимость адекватной передачи с л о в а р я р и ф м поэта как своеобразной семантико-ритмомелодической системы. В ней сосредоточены ключевые слова и образы как *Евгения Онегина*, так и многих других его стихотворных произведений. Так, рифмы „толпой” - „кочуют” - „над рекой” - „ночуют” символизируют быт бродячего цыганского племени (начало поэмы *Цыганы*). Не менее символичен и словарь рифм *Евгения Онегина*. Однако прежде чем перейти к его анализу, сделаем небольшую оговорку. Термин „онегинская строфа” можно, по нашему мнению, толковать в двояком значении: 1) строфа из 14 стихов 4-стопного ямба со специфической рифмовкой; 2) строфа, посвящённая „теме” только Онегина, типа „Когда же юности мятежной / Пришла Евгению пора” и ей подобные. В таком случае можно выделить „ленскую строфу” (по Р. Лужному, с романтически-патетическими мотивами), „татьянинскую строфу” (с народно-поэтическими мотивами) и пр. Каждая из указанных строф имеет свой специфический словарь рифм, обрисовывающий пунктирно своего героя, ср.: лицемерить - ревновать - верить - изнывать - послушным - равнодушным - молчалив - красноречив - небрежен - любя - себя - нежен - порой - слезой (Онегин, гл. I, строфа X); Ленской - геттингенской - лет - поэт - туманной - плоды - мечты - странный - речь - до плеч (Ленский, гл. II, строфа VI); ...молчалива - боязлива - родной - чужой - не умела- своей - детей - не хотела - одна - у окна (Татьяна, гл. II, строфа XXV).

Максим Рыльский, в своё время уделивший немало внимания словарю рифм Адама Мицкевича, максимально полно передал и пушкинские ключевые слова и образы, ср.: хитрувати - ревновать - викликати - умлівать - слухняним - полум'яним - німував - промовляв - недбалі - чуттям - сам - зухвалі - опустить - (сльози) лить (Онегин); Ленський - геттінгенський - очерет - поет - туманній - палкий - чудний - поривання - річ - до пліч (Ленский); мовчазлива -

полохлива - своїй - чужій - не вмiла - батьків - малюків - не хотiла - сама - нiма (Татьяна).

В переводе Юлиана Тувима „онегинская” строфа держится на глагольной паре „okłamywać - rozczarowywać” и абстрактных существительных „obojętność - pamiętność”; в „ленской” (VI) строфе опорными являются пары „Lenskij - goettingeńskiej” и „mglistych - czystych”, а в „татьянинской” строфе - „bolesna - leśna” и „unikala - przymilala”.

Адам Важик, в отличие от Юлиана Тувима, нагнетает словарь рифм отвлечёнными существительными „rozczenia - niewinności - pamiętności - zbawienia - zmiłowania”, что должно создавать впечатление об Онегине как „страдающем эгоисте”⁸. В „ленской” строфе ему удалось (в отличие от нейтрального тувимского „głos - włos”) даже сохранить (dziwaczny) ton i loki, неперемный атрибут романтического поэта, ср.:

Tylko co wrócił z Niemiec mglistych,
Przywiózł tamtejszych nauk płon -
Marzeń wolności, snów strzelistych,
Entuzjizm i dziwaczny ton,
Słowa goniące pod obłoki
I aż do ramion krucze loki.

В центре „татьянинской” строфы перевода Важика доминирует рифмическая пара dzika - znika, передвинутая из начала строки в конец; зато заключительный двустигмный замок можно отнести к ряду эталонных в современной переводческой практике, ср.:

A często cały dzień u okna
Przysiedzi cicha i samotna.

Говоря о словаре рифм поэта, необходимо упомянуть о роли в нём имён трёх главных персонажей - Евгения, Татьяны и Владимира Ленского. Пушкин ни разу не рифмует слово „Владимир”, зато „Ленский” (как мы показали это выше) несёт у него двойную

---

⁸ В. Г. Белинский, *Сочинения Александра Пушкина*, [w:] В. Г. Белинский, *О классиках русской литературы*, Минск 1976, s. 120.

нагрузку - орфоэпическую и семантико-символическую (Ленской - геттингенской, Ленский - деревенский). Полное имя „Татьяна” не имеет в тексте *Евгения Онегина* символического звукового окружения, кроме, пожалуй, пары „Татьяна - романа”, трижды повторенной автором. Зато деминутив „Таня” Пушкин целенаправленно сопоставляет с двумя весьма важными (ключевыми) в его поэзии словами: Таня - няня (3, XXXV) и Тани - мечтаний (4, XI), что подчёркивается в одном из его лирических отступлений:

Но я плоды своих мечтаний
И гармонических затей
Читаю только старой няне... (4, XXXV)

По тонкому замечанию Андрея Синявского, Пушкин „приписал ей [Татьяне - Л. М.] свою старенькую няню”⁹, чем и объясняется задушевность их ночной беседы (3, строфы XVI-XXI).

Имя „Евгений” повлекло за собой длинную цепочку рифм-существительных отвлечённого характера, ср.: осуждений - исключений, суждений - заблуждений и пр. Среди них наиболее характерологическими являются те, которые подчинены главной теме отдельных „онегинских” строф. Так, в „петербургских” строфах и в первой строфе II-ой („деревенской”) главы вполне естественна рифма „Евгений - наслаждений”; в строфах дуэли и гибели Ленского - „угрызений - Евгений” (6, XXXV) или „сожалений - Евгений” (8, XI, I) в строфе, посвящённой последней встрече Онегина с Татьяной.

И Рыльскому, и Важику удалось в словаре рифм сохранить опозитизированную Пушкиным „няню”, ср.:

- а) „Та й недогадлива ти, няню!”...
Стара; тупіє розум, Таню...
б) „Ach, niedomyślna jesteś, nianiu...”
Rozum się psuje, moja Taniu...

Однако во втором случае (т.е. „Тани - мечтаний”) переводчики

⁹ Абрам Терц (Андрей Синявский), *Прогулки с Пушкиным*, [w:] Абрам Терц (А. Синявский), *Собрание в двух томах*, t. I, Москва 1992, s. 352.

заменяют деминутив на полное имя - Татьяна -, вследствие чего образно и композиционно акцентированная пушкинская цепочка „Тани - мечтаний - няни” прерывается. Важик, впрочем, „наверстал” упущенное, введя уменьшительное имя героини в другом месте словаря рифм *Евгения Онегина* и создав наиболее естественную в аспекте польского языка рифмическую пару „Tani - pani”:

а) Минуты две они молчали,
Но к ней Онегин подошёл
И молвил: „Вы ко мне писали,
Не отпирайтесь. Я прочёл... (4, XII)

б) W milczeniu długi czas patrzyli
Na siebie; zbliżył się do T a n i:
„List otrzymałem - rzekł po chwili -
Proszę nie przeczyć: list od p a n i...

Эта рифма столь же образно выпукла, как и „Ewa - drzewa” (8, XXVII) или „Leński - narzeczeńskiej” (4, XXV), что следует отнести к лучшим находкам переводчика Адама Важика.

Наконец, со словом „Евгений” в украинском языке чаще всего рифмуются прилагательные и причастия, чем блестяще и воспользовался Максим Рыльский, ср.: Євгеній - шаленій (2, I), Євгеній - студеній (5, XX), Євгеній - каждоденній (1, XXXVI), Євгеній - буденні (2, XI), Євгеній - не вчені (6, VIII), Євгеній - стражденній (3, XXXIX), Євгеній - староденній (8, XVII) и др. В польском переводе „Евгений” обычно сопоставляется, как и в оригинале, с существительными, ср.: Eugeniusz - geniusz (1, VIII), duszę - z Eugeniuszem (1, LVI), Eugeniuszem - animuszem (2, XI), uszu - Eugeniuszu (8, XLII). В трёх случаях нами отмечена глагольная рифма, что свойственно только польскому тексту, ср.: Eugeniusza - poruszał (4, XI), Eugeniusza - gusza (5, XLIV) и guszaj - Eugeniusza (8, VIII). В остальных случаях имя Евгений польский переводчик заменяет в словаре рифм фамилией Онегин (типа Oniegina - przyczyna и др.).

Таким образом, мы видим, что на фоне многих специфических переводческих проблем передача словаря рифм поэта представляет собой особую сложность и значительность. Её нельзя рассматри-

вать как только техническую задачу; „рифма существенна”, и её подбор тесно связан с образно-композиционным замыслом произведения. Пушкин уделял огромное внимание рифме. Не случайно Андрей Синявский в своих *Прогулках с Пушкиным* говорит о „строфе - балерине”, об „изменчивости строфы в *Евгении Онегине*, о „женоподобных строфах” в *Бахчисарайском фонтане*, о „танцах с рифмами”, о „рифмованных гирляндах” пушкинской поэзии и пр.¹⁰ Остаётся только сожалеть, что до сих пор нет ещё *Словаря рифм Пушкина* (такого, как *Słownik rymów Adama Mickiewicza* J. Budkowskiej, 1970). Подобный компендиум помог бы как исследователям творчества Пушкина, так и его переводчикам, которым необходимо знать „пружины механизма” пушкинской поэзии.

---

¹⁰ Ibidem, s. 343, 346, 349, 351, 357.